

НИКО ПИРОСМАНИШВИЛИ

И. УВАРОВА

Нико Пиросманишвили (1863—1919) — выдающийся грузинский художник-самоучка. Сын кахетинского крестьянина-бедняка, он прожил трудную жизнь, целиком отданную родному искусству, и умер в нищете в период зачатия Грузии меньшевиками. Его замечательная Грузия меньшевиками. Его замечательное творчество — неповторимый вклад в художественную культуру народов нашей страны — завоевало заслуженное признание во всем мире.

По Тифлису шел бедный человек с чемоданом — это был художник Нико Пиросманишвили. В чемодане лежали рубахи и краски. На чемодане был нарисован элегантный человек в цилиндре — таким был бы он, если бы не стал художником.

Он шел в духан. Его угощали шашлыком, вином, фруктами. Потом он рисовал что-нибудь: хозяина и

Пир.

Рыбак.

гостей или бурдюк и барашка. Рисовал прямо на стене или на клеенке. Это были вкусные натюрморты, но от них становилось грустно. Может быть, жалко было убитого барашка, такого нежного?

Он рисовал стол, за столом людей. Они смотрели прямо перед собой, бледные, чернобровые, с пухлым надменным ртом и маленькими беспомощными руками. Нико рисовал их в веселую минуту, во время пира, но от картины веяло печалью.

Нико вырос в деревне. Он нарисовал гумно: мохнатые скруды — желтой краской, полосатый шатер — коричневой и белой. Нарисовал желтую солому и волов. Рисовать Нико никогда не учился. Он не знал, что надо сделать, чтобы разные краски не кричали во все горло каждая о себе, а толково и спокойно рассказали о гумне. Он подмешал в каждую краску немного черной. Черное связало вместе разные цвета, и они хорошо рассказали о том, что он видел, запомнил и полюбил.

Все кругом знали Нико, были дружны с ним и добры к нему. Но никто ему не удивлялся. Сотни лет до него бродили по дорогам Грузии художники. Они рисовали пышных женщин с хрупкими рука-

Гумно.

ми, виноград и горы. Нико пользовался нехитрыми приемами их рисунка. Он рисовал лица, как неученные художники в ауле или дети, — два глаза, нос крючком и рот — обычная маска. Но в прорезы маски смотрел сам Нико. Этого никто не видел. Никто не знал, что в нем зреет дар, перед которым много лет спустя люди будут молча снимать шапки.

Хорошие друзья изо всех сил старались, чтобы Нико был хорошо. Они купили ему молочную: жи-ви, торгуй, будь счастлив. Но Нико не умел быть ни богатым, ни счастливым. Он был художником, хотя этому его никогда не учили.

В его картинах бродили тревожные вопросы: о жизни, о суете. О том, что проходит и что остается. И обида ребенка, которого взрослые ласково похлопали по плечу и не стали слушать.

Он написал большую картину, в углу вывел старательно: «Семейная компания». Нарисовал большой стол, за столом всю семью, каждому отвел равное место на картине. Преуспевающий отец поднял бокал. Надменная мать с тремя подбородками. Два сына и две дочери. На столе хлеб, рыба и курица, поджав вареные лапки. Это совсем не похоже на голландский натюрморт, где рама трещит от обилия. Здесь сквозь все просвечивает край стола — все это зыбко, ведь к концу обеда не будет ни курицы, ни хлеба. И нет ли в этой картине цены сытому благополучию семейной компании? И намного ли дольше курицы дано им благоденствовать в жизни, в которой они ничего не поняли?

Нет, Нико не любил их. Это рисовал бедняк, «которому друзья покупали краски, и царь, которому принадлежала целая страна искусства. Он был непримирим. Люди во фраках, которых он рисовал, жили в чужом царстве.

Когда человек во фраке послал корзину цветов женщине, которую любил Нико, Нико продал молочную, скупил все цветы в городе и послал ей.

Друзья устроили пир в честь этого царского

дара: ведь каждый, кто живет среди гор, в душе хоть немного художник. Они ласково хлопали Нико по плечу. Они забыли, что любимая ждала его в этот вечер, и никуда его не пустили.

Нико жил в стране, где небо синее, горячее, обжигает глаза, зелень потная и жирная, а по белым заборам стекают розовые сгустки цветов. У смелого художника — природы хорошо ложились краски, но Нико чувствовал, что если все это — яркое, горячее, резкое — копировать, получится очень плохо. Не каждый образованный художник понимает, что постиг Нико. Он рассказал о природе и людях по-своему, смешав черную и белую краску. Цветные пятна вводил осторожно.

Нико нарисовал рыбака. Лицо у рыбака круглое, глупое, грустное и милое. Он стоит по колено в воде и держит в руках рыбу с круглой глупой головой. Нико нарисовал его в серой, как жель, рубаше. Ворот и подол обвел черной линией. По подбородку провел пухлую серую черту. По бокам картины нарисовал жесткие скалы. Все серое и черное на этой картине. Только вдаль маячат белые горы да в одном месте вырывается сочный ломоть желтой шляпы и синее небо вокруг него — вот и весь клочок юга, яркого, сладкого грузинского юга.

Но что толку говорить о цвете, свете и линии. Не в этих словах, а где-то за ними прячется человеческий гений.

Нико стоял у истока раздумий. Он не знал, что великие умы его времени — каждый по-своему — бьются над тем, чтобы люди поняли друг друга. Это было в крови века, когда жил Нико.

В 1916 году собралось в Тифлисе заседание гражданского общества художников. Нико вспомнили, разыскали, пригласили. Он пришел.

— Братья, — сказал он, — вот что нам нужно. Давайте построим большой дом, поставим большой стол, на стол — большой самовар. Будем собираться вместе, пить чай и говорить об искусстве.

И ушел, взволнованный и грустный. Люди заходили в духаны, где висели его картины. Вешали на гвоздь у себя дома его рисунки. Знали, что подвалы Тифлиса разрисовал Нико Пиросманишвили. И проходили мимо, ласково похлопав его по плечу.

Остановились перед его картинами, когда он уже умер. Остановились и увидели: Нико Пиросманишвили был не просто художник, а художник большой, замечательный и редкий. Так часто бывает с искусством. И от того, что слава великого художника пришла на смену доброй славе хорошего человека после смерти, ничего от этого по существу не изменилось. Просто думали, что он рисовал примитивно, как много тысяч лет назад. Но он зашел далеко вперед, и современники, запыхавшись, догнали его только через несколько лет. Заглянули в лицо его усадым портретам и увидели, что из каждого смотрит сам Нико — веселый, печальный, любящий. Нико, говорящий: «Вот что нам нужно, братья».

И люди поняли Нико.